

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

45

САФАРОВА Г.И.

В дополнение к моим показаниям от 23 декабря 1934 г. на поставленные мне следствием вопросы показываю:

В разговоре со мной в июле 1932 г. ЗИНОВЬЕВ спрашивал: "Вот Вы в Коминтерне постоянно встречаетесь с представителями иностранных партий. Есть ли среди них такие, которые способны самостоятельно мыслить и поднять свой голос в нужном случае". - Речь шла, конечно, о выискивании таких "представителей", которые могли бы повести борьбу против партии. Я ответил, что не знаю таких". „Да", сказал ЗИНОВЬЕВ, такое же мнение и у МАДЬЯРА. Коминтерн уже не тот, он совершенно обезличен". Когда разговор перешел на возможное военное столкновение СССР и Японии, ЗИНОВЬЕВ сказал: "Серьезные международные осложнения неизбежно приведут к крупным перестановкам и передрягам в ЦК. Тогда может встать по иному вопрос о нашем привлечении" /очевидно, к власти/. Это мнение было высказано как дополнительный довод против моего предложения об обращении в ЦК с документом за подписями.

Летом 1932 года перед встречей с ЗИНОВЬЕВЫМ в Ильинском я ходил на квартиру к ШЛЯПНИКОВУ с целью переговоров. ШЛЯПНИКОВ заявил, что, конечно, сложившееся положение губительно для партии. "На какую там платформу писать и посылать ее в ЦК"-сказал он. "Что касается нас, то у нас есть своя платформа". "Какая."-спросил я. "У нас платформа старая, с которой мы боролись против ЛЕНИНА", ответил он. "И Вы, и Троцкий нас били за нее, а теперь платите за это вместе с нами. Впрочем, об этом подумать можно. Вот КАЮРОВ, что то возится с молодежью". От сообщения подробностей характера этой "возни" с молодежью он уклонился. Очевидно, к рутинской платформе "вожди" контр.-револ. "рабочей оппозиции" приложили руку.

В разговоре моем с ЗИНОВЬЕВЫМ в Ильинском не тоя я, не то ЗИНОВЬЕВ помянул имя ШЛЯПНИКОВА. Я рассказал ЗИНОВЬЕВУ о беседе со ШЛЯПНИКОВЫМ. ЗИНОВЬЕВ реагировал так: "Ну, насчет старой платформы, это конечно, ерунда. Но ценный человек и коренной большевик. Ведь как его ценил / !? / ИЛЫЧ, а сталинцы его совсем затравили".

Встретившись позже на улице с ШЛЯПНИКОВЫМ, я понял, что он не сочувствует идее обращения в ЦК и потому не желает идти дальше "взаимного контакта".

Позже я как-то встретил его в первой половине 1934 года поздно вечером на Арбате. Он спросил: "Что у Вас нового в Коминтерне?" - "Да, вот проводим и не без успеха тактику единого фронта. Сейчас я не такой пессимист". "Ну, это Вы бросьте, САДЯРОВ", заявил ШЛЯПНИКОВ. - "Какие, к черту, у Вас, в Ваших партиях есть рабочие! Рабочие во II Интернационале, в социал-демократических партиях". "Что же, прикажете идти в Вандервельде?" "Оставьте -ка казенную демагогию," возмутился ШЛЯПНИКОВ. Я выругался и ушел, не поращавшись.

Совершенно невозможно обойти вопрос о роли МАДЬЯРА во всем этом клубке контр-революционного заговорщичества. Этот человек сумел ловко уклониться от ответственности за принадлежность к троцкистско-зиновьевскому контр-революционному блоку. Оставшись в партии, он в период моей ачинской ссылки в 1928 г. был в Москве Полпредом контр-революционной группировки так называемых безвозденцев, действовавшим по указаниям и советам из Ачинска.

Я могу с уверенностью сказать, что после моего возвращения из ссылки и распада группы безвозденцев в июле 1928 г. МАДЬЯР, вероятно тотчас же перешел в зиновьевскую группировку, одновременно

установив прочную и постоянную связь с группировкой ДОМИНАД-ЗЕ-СТЭНА. С ДОМИНАДЗЕ он сблизился со времени VIII Пленума ИККИ в 1928 г. Все время своей работы в Коминтерне он был соби-рателем и распространителем самых разнообразных бытательско-интриганских и контр-революционных слухов, сплетен и анекдот-тов. Он всегда был в курсе всего, "используя для этого и свои обширные коминтерновские связи, и венгерские знакомства, и, встречи, разговоры и информации, подхваченные в "Большевике" и "Правде". Сегодня он приносил "самую свежую" сплетню о - "раз-ногласиях и спорах в ЦК", через день - два о затруднениях в промышленности /со ссылками на беседы с ЛАУЭРОМ или КРАВАЛЕМ/, через неделю популяризовал новый контр-революционный анекдот. Дела в КИ им всегда освещались в аспекте сугубо-интриганском, с подробностями и сенсациями о личных склоках в Центр. коми-тетах соответствующих партий. Таков весь его "стиль работы". Во всю свою работу в КИ он вносил дух прожженного буржуазно-го журналиста-охотника за сенсациями и интригами.

Кстати, в Венгрии до революции он и был таковым. Вместе с тем, он всегда удивлял своей исключительной изворотливостью хамелеона. Он мог произносить целые речи о том, что ЦК никуда не годен, что у СТАЛИНА нет принципов, нет линии, мог кле-ветать как угодно на партию и, буквально в десятки секунд, с приходом партийца, переключиться на дифирамбы СТАЛИНУ, его - твердости и мудрости и т. д.

Для ЗИНОВЬЕВА, с которым он встречался удивительно час-то и регулярно до последнего времени, он был, можно сказать, -

"питательным бульоном" ведь все эти мадьяровские сплетни /это не мое выражение, оно было ходячей характеристикой его контр-революционной болтовни/ поднимали трусливо-блудливый "дух" ЗИНОВЬЕВА, который сразу же начинал "комбинировать" свои контр-революционные выводы, оснащая их новой "аргументацией". Эти сплетни и клеветы, несомненно передавались далее по цепочке зиновьевской организации.

Примеры сплетен и клеветы, в одном случае, кажется, в 1932 г. МАДЬЯР рассказывал, что Л.М. КАГАНОВИЧ впал в немилость, "его скоро сошлют в Коминтерн", в другом случае, в начале 1934 года - МАДЬЯР рассказывал мне в присутствии МИФА, что Л.М. КАГАНОВИЧ "затратил огромные средства на метро, стройки останавливаются из-за нехватки материалов, - СТАЛИН резко изругал его".

МАДЬЯР на всем протяжении 1931-34 г. усиленно распространял слухи о "борьбе МОЛОТОВА и КАГАНОВИЧА".

Зарубежные сплетни выглядели также: "-в ЦК К.П. Германии, мол, сидят тельмановские ребята, ничего не соображают, неспособные руководить. Старый ПИК фактически не при чем" и т.д. и т.п.

МАДЬЯР был связан со СТАНОМ и с ДОМИНАДЗЕ и нередко посещал их.

От ДОМИНАДЗЕ, помнится, он однажды в 1932 г. или в 1933 году принес сплетню о том, что "на оборонных заводах введен новый режим, директор может всякого арестовать, рабочие зажатые. Куда идем".

При передаче о своих свиданиях со СТАНОМ и ДОМИНАДЗЕ он был крайне сдержан и старался говорить поменьше. Об"ясняю это тем, что, по всем данным, он был соединительным звеном и посредником между зиновьевской организацией и доминадзевско-становской группировкой и ему, вероятно, было рекомендовано охранять эту связь от его собственной болтливости. Для обеих группировок и по обилию своих связей и информации, и по бронированности своего официального положения - он был поистине незаменим. Как я уже указывал в предыдущем показании, к ЗИНОВЬЕВУ я попал в Ильинское при посредстве МАДЬЯРА, настаивавшего на этом свидании, говорившего, что "Григорий хочет Вас обязательно видеть", и точно установившего время и место встречи. Сам он перед этим и позже был не раз в Ильинском, а также на городской квартире ЗИНОВЬЕВА. Было всегда нетрудно догадаться - были МАДЬЯР перед соответствующей встречей со мной у ЗИНОВЬЕВА или ДОМИНАДЗЕ. Этот флюгер всегда начинал разговор с мыслей и соображений, услышанных им в том или ином месте. Он выдавал их за свои, а потом подкреплял: вот и Григорий /или другой собеседник/ так думает. МАДЬЯР был "Наркоминделом" всех оппозиций. Дополнительной связью между ЗИНОВЬЕВЫМ и МАДЬЯРОМ был, разумеется, ГОРШЕНИН, работавший до чистки в Госплане Р.Б.Ф.С.Р., а затем в И.М.Х. Часть мадьяровской информации к ЗИНОВЬЕВУ, безусловно, попадала через ГОРШЕНИНА. ГОРШЕНИН, можно сказать, стопроцентный зиновьевец, не желающий ничего видеть и слышать, кроме жестов и высказываний своего "вождя". С МАДЬЯРОМ у него была тесная дружба. Когда ЗИНОВЬЕВ был отправлен в Кустанай - ГОРШЕНИН добывал ему литературу /книжную и иностранные газеты/ и проч. и МАДЬЯР дивился "его самоотверженности", указывая: "взгляните, ГЕРТИК сел за передачу стопки бумаги Григорию на вокзале, а ГОРШЕНИН в открытую делает все для ЗИНОВЬЕВА".

В период оживления контр-революционной заговорческой дея-

тельности летом и осенью 1932 г. в связи с "платформами" и прочим МАДЬЯР в одном разговоре сказал мне: "Если Вас арестуют за обращение с платформой в ЦК, будьте уверены - я гарантирую, что об этом будет известно за рубежом и Ваш документ будет там напечатан!" МАДЬЯР позже ездил за границу и, вероятно, завязал там связи, хотя об них мне и не говорил. Поскольку мне известна близость МАДЬЯРА с ЛОМИНАДЗЕ и дружба ЛОМИНАДЗЕ с Гейнцом НЕЙМАНом, я полагаю, что, возможно, были разговоры с Гейнцом, отстраненным от работы в КПП.

ЛОМИНАДЗЕ пытался, кажется, в 1933 г. налаживать связи с заграницей, как явствует из попытки его разговора с МОРЕКОМ. После этой неудачной попытки т. ПЯТНИЦКИЙ мне сказал: "Я советуюте ка вашему ЛОМИНАДЗЕ не лезть в коминтерновские дела, чтобы не вышло худо!" Очевидно, он считал, что я столь же близок ЛОМИНАДЗЕ, как и МАДЬЯР.

Связь зиновьевцев с троцкистами осуществлялась через ЕВДОКИМОВА, постоянно встречавшегося в совнаркомовской столовой. Вообще совнаркомовская столовая не только для ЕВДОКИМОВА и СМЕРНОВА, но и для других представителей антипартийных группировок служила чрезвычайно удобным местом для встреч, переговоров и бесед. Она давала "самое законное", легальное прикрытие встречам и переговорам, которые иначе были сопряжены с рядом трудностей. Особенное оживление связей через столовую относится к 1932 г., для этой же цели она использовалась до последнего времени.

Из разговоров с СМЕРНОВЫМ я заключил, что для троцкистов ЕВДОКИМОВ наиболее авторитетный представитель зиновьевской организации, на которого, по их мнению, можно гораздо более рассчитывать, чем на "парочку" - ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА. СМЕРНОВ располагал в 1932 г. обширнейшими связями со всеми троцкистами в ссылке и в других местах. У него был целый блокнот с адресами ссыльных, с указаниями кому послать сухари, книги и т.п. СМЕРНОВ играл роль Отдела кадров троцкистской оппозиции, его же служебное положение в Наркомтяжпроме давало ему воз-

возможность широких личных сношений при раз'ездах и командировках. Помнится, он в разговоре с МРАЧКОВСКИМ прямо намечал кого он увидит по дороге, когда поедет в Советскую гавань.

К сообщенному в первом показании о моем разговоре с Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИМ добавляю следующее: - Когда я рассказал об этом разговоре МРАЧКОВСКОМУ в присутствии СМЕРНОВА и выразил свое удивление по поводу позиции ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, МРАЧКОВСКИЙ и СМЕРНОВ как то странно замяли этот вопрос, хотя обычно отношение к "сталинистам" у них прорывалось в резком возмущении "подхалимами, казенными людьми" и т. д. Поскольку припоминаю, при от'езде МРАЧКОВСКОГО в его вагоне была Шура САФОНОВА, именно через нее он предлагал мне направить письмо с оказией. Ее телефон и был дан мне.

С ВАРДИНЫМ у меня порвалась личная связь, примерно, с половины 1933 г. Он постоянно обретался в антипартийных настроениях, встречался не раз с ВАГАНЬЯНОМ, с ДОМИНАДЗЕ с зиновьевцами. Всегда искал случая преподнести свою антипартийную оценку положения. И он, и ДЕЛЕВИЧ, с которым я лично разошелся еще в 1928 г., всегда противопоставляли свои взгляды партии в таком стиле, как привыкли эти "коренные напостовцы" спорить с "попутчиками" в литературе.

ВАГАНЬЯН, как был "ортодоксальным" контр-революционным троцкистом, так им и остался. В 1932 г. говорили в кругах контр-революционных оппозиционных группировок /зиновьевцев-троцкистов/: - "ВАГАНЬЯН ищет какой нибудь платформы против ЦК, чтобы ее подписать".

Сергей ГЕССЕН - постоянный и неизменный зиновьевец, всегда поддерживавший связь с зиновьевской организацией. Его специальность - сочинение площадно-контр-революционных стихов, распространение контр-революционных слухов, сплетень и анекдотов под видом дружеского компанейства - вплоть до последнего времени. В зиновьевской группировке контр-революционная богема широко представлена и ГЕС-

СЕН типичен как представитель этой выродившейся насквозь протуированной богемы.

В этой связи необходимо упомянуть о Сергее МАНДЕЛЬШТАМЕ. Я его уже давно потерял из вида. В 1930 г. он был удален из Ленинграда. Он был всегда заражен активными антисоветскими настроениями. В 1929-30 г.г., несомненно, был руководителем бывших комсомольцев, числившихся ранее в безвозвращенцах. Знаю, что после моего заявления в ЦКК в 1928 г. он изображал себя "хранителем истинных традиций борьбы". Разлагал он группу бывших ленинградских комсомольцев и в политическом и в бытовом отношении, втягивая их в пьянки с контр-революционными дискуссиями. В частности, он сильно действовал на В. РУМЯНЦЕВА. "Водка, бабы, политика", - это была мандельштамовская смесь контр-революции со всяческим разложением.

Владимир МАТВЕЕВ, бывший секретарь "Ленинградской Правды", как могу судить по встречам с ним, погряз в контр-революционной обывательщине и, благодаря домашней обстановке, и под влиянием негодования по поводу того, что он "не признан в литературе". Ближайшее его окружение, это известный кулацкий поэт ЗАБЛОЦКИЙ, издававший писавший об "ослах, воспевающих социализм". Уже осенью 1934 г. встретившись с ним на квартире, я был поражен до какого состояния он дошел. Зашел разговор о возможности войны с Японией и я рассказал о положении японских рабочих и крестьян. МАТВЕЕВА, жена его, перебила меня: "а вы думаете наш социализм" лучше. МАТВЕЕВ сочувственно молчал. Я разругался, сказав, что нужно пасть ниже проститутки, чтобы предпочесть АРАКИ-стране социализма. Через несколько дней МАТВЕЕВ счел нужным еще больше подчеркнуть, что он думает и прислал мне письмо, в котором выразил надежду, что у нас все кончено. Этот обыватель показателен как выразитель духа внутренней эмигрантщины, засосавшей участников троцкистско-зиновьевского контр-революционного блока.

В дополнение к показаниям 23/ХП-34 г. показываю, что СМИЛГА был связан с виновьевской организацией, прежде всего, через НАМЕНЕВА, с которым постоянно общался.

К числу виновьевцев принадлежит также Яков ЕЛЬКОВИЧ, посещавший ЕВДОКИМОВА и других при наездах в Москву из Свердловска.

Написано собственноручно Г. САФАРОВ.

ДОПРОСИЛИ: ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТР. ДЕЛ СССР - АГРАНОВ
ЗАМ НАЧ СПО ГУТБ НКВД СССР - ЛЮШКОВ
НАЧ I-Отд-ния СПО ГУТБ НКВД СССР - ПЕТРОВСКИЙ

в е р н о :

